

Мировая экономика: следуя боковому тренду

[Морис Обстфельд](#)

4 октября 2016 года

Цель возобновления быстрого, устойчивого и всеобъемлющего роста, к достижению которой призвали лидеры Группы 20-ти в Ханчжоу в сентябре, до сих пор ускользает от нас. Мировой рост остается вялым, несмотря на то, что в последнем квартале он не претерпел заметного замедления. В новом выпуске [«Перспектив развития мировой экономики»](#) прогнозируется замедление роста в группе стран с развитой экономикой в 2016 году, которое будет компенсироваться ускорением роста в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах. Мировая экономика в целом следует боковому тренду. Если в области экономической политики не будут предприняты решительные шаги по поддержанию экономической активности в краткосрочной и более долгосрочной перспективе, наблюдаемые в последнее время низкие темпы роста могут—в силу порождаемых ими отрицательных экономических и политических сил—приобрести хронический характер.

Согласно нашим прогнозам, мировой объем производства увеличится на 3,1 процента в 2016 году и 3,4 процента в 2017 году, что аналогично нашим прогнозам, сделанным в начале июля вскоре после голосования в Соединенном Королевстве о выходе из Европейского союза. Вместе с тем в рамках этого общего прогноза мы несколько снизили прогнозируемый на 2016 год рост в странах с развитой экономикой и в то же время повысили прогноз роста в остальном мире. Прогнозы роста на 2017 год остаются неизменными для обеих групп стран. В среднесрочной перспективе мы ожидаем, что, хотя динамика роста в странах с развитой экономикой будет оставаться удручающе низкой, рост в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах должен ускориться в связи со стабилизацией экономики и возвращением на прежнюю траекторию долгосрочного роста в крупных странах, которые сейчас переживают спад.

Однако даже такая более детализированная картина не позволяет увидеть важные различия внутри групп стран. В 2016 году темпы роста в США были ниже ожиданий, но это частично компенсировалось неожиданным подъемом экономики, пусть и в меньших масштабах, в Европе и Японии. За пределами стран с развитой экономикой страны с формирующимся рынком в Азии характеризовались более высокими показателями, а страны Африки к югу от Сахары в целом имели более низкие темпы из-за тормозящего воздействия на рост, оказываемого крупными экспортерами биржевых товаров, несмотря на то что низкие цены на биржевые товары принесли выгоды ряду менее крупных стран.

Почему нельзя быть довольными темпами роста, наблюдаемыми в последнее время? При прочих неизменных условиях, тенденция к смещению мирового производства от стран со зрелой и относительно медленно растущей экономикой к странам с формирующимся рынком и развивающимся странам со временем должна привести к повышению мирового роста. Но этого не произошло.

По сравнению со средними показателями за 1998-2007 годы долгосрочный потенциальный рост в настоящее время прогнозируется на более низких уровнях во всех регионах, а сегодняшние темпы роста до сих пор уступают прежним во многих странах мира, особенно в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах. Следует признать, что это снижение долгосрочного роста отчасти связано с демографическими тенденциями, а также происходившими в ранний период изменениями, которые не могли носить устойчивый характер: первоначальный стремительный рост производительности в результате революционных преобразований в информационных и коммуникационных технологиях, быстрый рост экономики Китая, а также фаза подъема цикла финансирования, повлекшая за собой тяжелейший мировой кризис. Тем не менее, отрицательные разрывы объема производства все еще широко распространены, а кризис оставил после себя наследие в виде комплекса взаимодействующих факторов—чрезмерно высоких уровней задолженности; необслуживаемых кредитов в балансах банков; дефляционного давления; низкого уровня инвестиций; эрозии человеческого капитала—которые продолжают оказывать понижающее воздействие на потенциальные объемы производства. Поскольку инвесторы и потребители проявляют повышенную осторожность, если они опасаются, что ожидание роста доходов может затянуться надолго, это может привести также к снижению фактического роста.

Действие таких механизмов самореализации ожиданий можно было бы обратить вспять в условиях более высокого глобального спроса. Однако ответные меры экономической политики до сих пор остаются несбалансированными в том смысле, что они чрезмерно полагаются на действия центральных банков. Рынки опасаются, что экономическая политика уже исчерпала возможности для противодействия в случае очередного серьезного негативного экономического шока.

Хронически низкие темпы роста оборачиваются, таким образом, все большими политическими последствиями. Вредоносное воздействие медленного и неполного восстановления после кризиса особенно остро ощущается в странах, где распределение доходов по-прежнему резко смещено в сторону лиц с высокими доходами, оставляя тем самым ограниченные возможности для перемещения вверх людей с низкими доходами. В некоторых богатых странах это привело к возникновению политического движения, которое винит глобализацию во всех бедах и стремится каким-то образом отгородить свою экономику от глобальных тенденций вместо того, чтобы искать пути решения проблем совместно с другими странами. Результаты референдума в Соединенном Королевстве лишь один из примеров этой тенденции.

Иными словами, рост слишком долго был слишком низким, и во многих странах выгоды от роста ощутило слишком мало людей— что привело к политическим последствиям, которые, вероятно, будут и далее тормозить рост мировой экономики.

Эти проблемы позволяют выделить риски для наших прогнозов, которые, как и прежде, смещены в сторону снижения. Предполагаемый подъем экономики в 2017 году и последующие годы может быть сорван в случае наступления нескольких, возможно, взаимодействующих событий: неровный переходный период в Китае; резкое дальнейшее снижение цен на биржевые товары; ужесточение глобальных финансовых условий; резкое повышение торговых барьеров. Может обостриться геополитическая напряженность, что еще более усилит гуманитарные кризисы, уже сейчас наблюдаемые на Ближнем Востоке и в Африке, и дополнительно усложнит принятие политических решений.

Комплексный характер, последовательность и координация

Положительным следствием этого могло бы стать проведение многими странами комплексной, последовательной и координированной политики, использующей синергетический эффект взаимодействия различных инструментов, периодов и стран для стимулирования экономического роста и придания ему более инклюзивного характера. Эта стратегия была объяснена в [Документе персонала МВФ для обсуждения](#), который вышел на прошлой неделе. Комплексная политика предусматривает действия по трем направлениям: структурная и налогово-бюджетная политика мобилизуются для целей поддержки денежно-кредитной политики, а денежно-кредитная политика, в свою очередь, увеличивает стимулирующее воздействие на рост, оказываемое структурными реформами и активной налогово-бюджетной политикой. Последовательные и должным образом доводимые до сведения общественности меры политики способны стабилизировать ожидания. Координация действий разных стран—аналогично тому, как это делалось при выполнении Брисбенского плана действий 2014 года в отношении структурных мер—приносит положительные вторичные эффекты, позволяющие получить целое, превышающее сумму его компонентов. В случае широкого распространения этого рекомендуемого МВФ общего подхода, основанного на действиях в трех направлениях, он может привести к ускорению роста уже в настоящее время. Такой подход, если он будет применяться в широких масштабах, может также обеспечить защиту от отрицательного глобального шока, ограничив ущерб для состояния бюджета.

Среди мер структурной политики особо важное значение имеет возобновление твердой приверженности снижению торговых барьеров, в отличие от наблюдаемых сегодня тенденций. Наряду с этим, правительства должны признать необходимость укрепления стойкости рынка труда в случае потрясений, снижения барьеров для выхода на рынки товаров и услуг, а также облегчения положения групп населения, наиболее остро ощущающих неблагоприятные последствия изменений в технологии, торговле и структурных реформ. В этих случаях также полезна координация действий, позволяющая директивным органам четко разъяснить свои намерения и оказать наибольшее воздействие.

Морис Обстфельд, находящийся в отпуске из Калифорнийского университета в Беркли, является экономическим советником и директором Исследовательского департамента Международного Валютного Фонда. В Беркли он является профессором экономики на кафедре Выпуска 1958 года и бывшим заведующим отделением экономики (1998–2001 годы). До прихода в Беркли в качестве профессора в 1991 году он занимал постоянную должность в Колумбийском университете (1979–1986 годы) и в Университете Пенсильвании (1986–1989 годы), а также являлся приглашенным научным сотрудником в Гарварде (1989–1990 годы). Он получил докторскую степень по экономике в МИТ в 1979 году после учебы в Университете Пенсильвании (степень бакалавра, 1973 год) и в Королевском колледже Кембриджского университета (степень магистра, 1975 год).

С июля 2014 года по август 2015 года д-р Обстфельд являлся членом Совета экономических консультантов при президенте Обаме. Ранее (2002–2014 годы) он был почетным советником Института денежно-кредитных и экономических исследований при Банке Японии. Он является членом Эконометрического общества и Американской академии и искусств и наук. Награды д-ра Обстфельда включают премию им. Тьяллинга Купманса Тилбургского университета, премию им. Джона фон Неймана Колледжа перспективных исследований им. Ласло Райка (Будапешт) и приз им. Бернхарда Хармса Кильского института. Он выступил с рядом авторитетных лекций, включая ежегодную лекцию им. Ричарда Т. Эли в Американской экономической ассоциации, мемориальную лекцию им. Л.К. Джха в Резервном банке Индии и мемориальную лекцию им. Франка Грэма в Принстоне. Доктор Обстфельд входил в состав Исполнительного комитета и занимал пост заместителя председателя Американской экономической ассоциации. Он консультировал и преподавал в МВФ и многочисленных центральных банках по всему миру.

Он также является соавтором двух ведущих учебников по международной экономике, *International Economics* («Международная экономика») (10-е издание, 2014 г., соавторы Пол Кругман и Марк Мелиц) и *Foundations of International Macroeconomics* («Основы международной макроэкономики») (1996 г., соавтор Кеннет Рогофф) и автором более чем 100 научных статей, посвященных обменным курсам, международным финансовым кризисам, мировым рынкам капитала и денежно-кредитной политике.